

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия

**ПРАВОСЛАВИЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Выпуск 2

ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ,
АПОСТОЛА ЯПОНИИ
1836–1912

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1996

Г. Д. Иванова

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

Более пятидесяти лет своей жизни архиепископ Николай (1836–1912) отдал Японии, где он возглавлял православную миссию. За эти полвека ему не раз пришлось выдерживать «проверку на крепость».

Первые десять лет (с 1861 г.) прошли в условиях запрета на христианство, наложенного японским правительством в XVII в., когда активную деятельность здесь развернули католические миссионеры. Тогда португальских проповедников сбрасывали в море близ Нагасаки, а тайных христиан-японцев распинали на кресте. На таком историческом фоне проповедь Православия среди местного населения была, мягко говоря, затруднительна.

После буржуазной революции 1868 г., когда правительство Мэйдзи обратилось «лицом к Западу», прежние запреты стали ослабевать. Но и тогда повсеместно случались вооруженные нападения на христиан — в Токио, Йокогаме, Киото. На Хоккайдо — вопреки политике центра — колониальное ведомство продолжало прежние гонения.

В 1868 г. святитель Николай обратил в Православие первого японца Савабэ Такума, получившего имя Павел. Самурай, синтоистский служитель-канниси, Савабэ поначалу весьма настороженно относился к чужеземцам, однако после терпеливых разъяснений Николая загорелся желанием перейти в русскую веру. По его примеру тайное крещение приняли хакодатский лекарь Сакаи, нареченный Иоанном, а также Яков Урано. Начав делиться своими вновь обретенными взглядами с согражданами, они подверглись тюремному заключению. Чтобы выволить их, о. Николаю пришлось обращаться в столицу — к прогрессивным представителям новой власти Ивакура Томоми и Кидо Такаёси.

© Г. Д. Иванова, 1996

Русская миссия постоянно нуждалась в средствах, из России ей отпускали лишь мизерные дотации, и поэтому о. Николай и его сподвижники отдавали на нужды миссии большую часть своего жалования. Архимандрит Андроник (Владимир Никольский, 1870–1919) свидетельствовал: «Инославные дают прекрасное обеспечение своим деятелям, наши же катехизаторы получают 7–12 иен в месяц, а священники 12–20 иен. Если учесть, что никаких побочных занятий они иметь не могут, поскольку им некогда да и неприлично, то это — скудный кусок хлеба»¹.

Несмотря на все трудности, «братство Николая» производило отрадное впечатление. Сотрудник Императорского Русского географического общества Шрейдер, в 1891 и 1893 гг. посетивший Токио, описывает уютный внутренний двор миссии, засаженный молодыми кедром, светлые классы в училище, образцовую чистоту. Уньных, заморенных лиц он не наблюдал, наоборот, в манерах молодежи отметил «непринужденность и даже воодушевление»².

В русско-японскую войну 1904–1905 гг. все российские дипломаты и коммерсанты спешно эвакуировались, о. Николай же оставался на посту. Его паства составляла к тому времени 28 000 человек, и, пренебрегая опасностью, он разделял с ней все тяготы сложившейся обстановки.

О. Николай глубоко изучал культуру японцев — буддизм, конфуцианство, важнейшие историко-литературные памятники (Кодзика, Нихонги, Дайнихонси). Одна только его каждодневная работа по переводу на японский язык священных текстов должна быть оценена как подвиг.

До принятия монашеского чина его звали Иван Дмитриевич Касаткин. Происходил он из Бельского уезда Смоленской губернии, из села с поэтическим названием Егорье-на-Березе. Отец Ивана был дьяконом и учительствовал в церковно-приходской школе, матери он лишился в раннем детстве, поэтому неудивительно, что ему была предначертана дорога в духовную семинарию. Сто пятьдесят верст до нее, в Смоленск, подросток прошагал пешком.

Сиротское детство, отрочество в семинарии сделали Ивана Касаткина стойкой натурой. По окончании семинарского курса за незаурядные способности он был на казенный кошт направлен в Петербургскую Духовную Академию.

Академия давала фундаментальное образование, и не только в области богословия. В ней приобщались к истории, философии, учились древним и новым языкам. Из прочитанных в те годы книг Николай отмечал «Записки флота капитана Василия Михайловича Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве

и народе» (Ч. 1–3. 1816). И вот — то ли случайность, то ли воля Провидения, но только к моменту окончания Академии как раз открылась вакансия на острове Хоккайдо. Пожилой священник российского консульства В. Е. Махов возвращался по болезни на родину, а 24-летний Николай, только что возведенный в сан иеромонаха, поехал ему на смену.

Этот шаг определил не только его собственную судьбу, но и судьбы многих, кто в дальнейшем оказался в орбите его влияния.

Транссибирской железной дороги еще не было и в помине, тысячеверстные пространства одолевались в тряской кибитке. В ожидании весенней навигации Николаю пришлось зазимовать в Николаевске-на-Амуре.

В ту зиму он познакомился с владыкой Иннокентием — опытным миссионером, который 20 лет жил на острове Уналашка среди алеутов. С 1840 г. Иннокентий исполнял должность епископа Камчатского, Курильского и Алеутского; община г. Хакодате, куда ехал Николай, принадлежала к Камчатскому округу. Иннокентий, смолоду сам хлебнувший лиха, по-отечески обласкал новичка и даже собственноручно скроил ему бархатную рясу. «чтобы вызвала уважение».

На Хоккайдо о. Николай прибыл летом 1861 г., т.е. в год, ознаменованный для России освобождением крестьян от крепостного права. Япония тогда только начинала выходить из двухвековой изоляции, в 1854–1860 гг. было заключено несколько неравноправных соглашений с западными странами, отдельные портовые города открылись для захода иностранных судов. Северный город Хакодате являлся одним из них.

Учрежденное там российское консульство во главе с И. А. Гошкевичем успело построить в Хакодате свою церковь. Предназначалась она для консульских служащих и заходивших в незамерзающий порт Хакодате моряков российского флота. Официально она именовалась Собором Воскресения, но жители города, замороженные не слыханным прежде колокольным звоном, прозвали ее «храм Бомбом» (Гангандэра). В ее внутреннем убранстве византийский иконостас сочетался с соломенными циновками татами, устилавшими пол, как в буддийском храме.

При церкви действовали классы русского языка, открылся лазарет, со временем неподалеку возникло Иностранное кладбище, где нашли свой последний приют псаломщик В. Л. Сартов, жена консула Гошкевича Елизавета, несколько матросов с русских кораблей.

Миссионеры прошлого века, как правило, с вниманием относились к культуре народа, среди которого вели проповедь. В Пекине

в составе одной только 12-й Русской Миссии сформировались три крупных Китаеведа — о. Палладий (Кафаров), будущий академик В. П. Васильев, врач Татаринов. Ученым-японоведом стал и о. Николай. В письме к архиепископу Иннокентию он писал: «Много лет меня также манила на свое поле наука, японская история и вся японская литература совершенно непочатые сокровища, — стоит лишь черпать целыми пригоршнями, все будет ново, интересно в Европе и труд не пропадет даром»³.

Его научные труды содержали по тем временам значительный элемент первооткрывательства. Они адресовались как в церковное ведомство, так и в журналы обеих наших столиц. В 1860-е гг. «Московские ведомости» печатали его «Письма из Японии», его публикации появлялись в таких изданиях, как «Русский архив», «Миссионер», «Древняя и новая Россия», «Странник».

В очерке «Япония с точки зрения христианской миссии» (Русский вестник. 1869. № 9, 11, 12) рассматривалось положение страны в конце периода Токугава. На основе письменных источников и личных наблюдений он рассказывал о раздробленных княжествах и расприх между ними, о жестком правлении, исходившем из столичного города Эдо. Он первым из русских ученых рассматривал развитие и упадок японского феодализма, предсказывал в недалеком будущем объединение страны и неминуемое открытие ее для «заморских флагов».

Другой японоведческий труд о. Николая назывался «Сёогуну и микадо. Исторический очерк по японским источникам». Среди использованных источников назван многотомный труд Рай Сангё «Неофициальная история Японии» (Нихон гайси), который создавался на протяжении 20 лет (1802–1826). В этой работе, опубликованной всего через год после революции Мэйдзи (Русский вестник. 1869. № 11–12), о. Николай писал о быстром прогрессе: «Японцы, всего пятьдесят лет тому назад казавшиеся такими же непробудно сонными и неподвижными, как китайцы, в настоящее время имеют уже военный флот паровых судов, на котором ни человека европейцев, имеют специалистов ученых, получивших дипломы в европейских школах, механические заведения, могущие собственными средствами соорудить пароход, наконец, либеральную конституцию с выборным началом в основании. А между тем эти факты как нельзя более естественны и странно было бы, если бы их не было. Но чтобы судить так, нужно изучить не костюм и внешние приемы японца, а его дух в историческом развитии. словом, изучить его литературу»⁴. Все его труды проникнуты искренним уважением к японской культуре.

С первых же лет пребывания на дальневосточной земле о. Николай пришел к убеждению, что между Японией и Россией нет поводов для разногласий. «Все, что делается в Японии, более, чем всякое другое государство, должно интересовать Россию как непосредственную соседку ее на крайнем востоке. Оба государства — молодые, полные свежих сил и надежд на долгую историческую жизнь. Притом же, оба — совершенно различные по своему географическому положению, вследствие чего в будущем они могут только помогать друг другу, но не встречаться одно с другим на перекрестных дорогах и не мешать одно другому»⁵.

Мысль о необходимости согласия между двумя народами проходит через все его наследие — научное, эпистолярное. Уже после 1905 г. он писал генерал-губернатору Приамурья Унтербергеру: «Не было бы и нашей несчастной войны с Японией, если бы мы глубже знали Японию»⁶.

Еще при жизни ученые оценили о. Николая как «всемирно известного японолога» (Миссионерское обозрение. 1911. № 11). Императорское Общество востоковедения и Русско-японское общество избрали его своим почетным членом.

Отношение к иностранцам в Японии менялось на глазах, по словам о. Николая, «от презрения к уважению». Будучи свидетелем глубоких перемен, он предчувствовал в дальнейшем более широкое поле деятельности. В 1869 г. он отправился в Петербург хлопотать перед Святейшим Синодом об открытии православной миссии в японской столице. Заручившись соответствующей санкцией, он в 1871 г. вернулся на Хоккайдо.

С этого времени начался его титанический труд по переводу церковных текстов на японский язык (ранее богослужение в хакодатском соборе велось на старославянском). Для этой поистине грандиозной работы понадобилось знание не только русского и японского, но также церковно-славянского, древнегреческого и западных языков. В переводе священных книг участвовали Павел Савабэ, Иоанн Сакаи, Яков Урано, ежедневным сотрудником был Павел Накаи. Переведенные тексты тиражировались на печатном станке, доставленном из России. Возможность вести богослужение на родном для населения языке способствовала дальнейшему распространению Православной веры.

Зимой 1872 г. в Хакодате из Киевской Духовной Академии прибыл о. Анатолий (в миру Александр Дмитриевич Тихай, 1838—1893). Скоро он сделался правой рукой о. Николая. Оставив на его попечение хакодатскую общину, он смог переехать в «столичный стан». Поначалу в Токио, в районе Цукидзи он открыл школу русского языка. Число его учеников постепенно достигло

полутора сотен. Вместе с ними был составлен русско-японский словарь, который на ближайшие годы стал незаменимым учебным пособием.

С отменой антихристианского законодательства (1873) открылся широкий простор для миссионерского дела. Частная школа о. Николая была преобразована в Катехизаторское училище. С 1875 г. открылась Духовная семинария (Сэйкэ сингакко) с программой, рассчитанной на семь лет. Наряду с богословским образованием она давала знание языков, истории (русской и японской), непременных для японцев китайских классиков. Первый выпуск мужской семинарии состоялся в 1882 г. Позже появилась и женская семинария, где ученицам прививали навыки домоводства и шитья, рисования и пения. Первой ее директрисой была Мария Александровна Черкасова.

Выпускались свои периодические издания. Дважды в месяц выходили «Православные вести» (Сэйкэ симпо) — частично на русском, частично на японском языке; выходил ежемесячный журнал «Православные беседы» (Сэйкэ ёва), женский журнал «Уранисики» (Скромность). Были и более кратковременные издания: «Синкай» (Духовное море), «Нива» (Сад), «Симэй» (Предназначение). Ученики переводили с русского религиозно-нравственную литературу: жития святых, извлечения из журнала «Воскресное чтение», «Сокращенное изложение догматов Православной Церкви».

Наряду с этим всемерно поощрялся интерес к художественной классике. Справедливо полагалось, что, полюбив Пушкина и Толстого, японцы не смогут не полюбить Россию. Печатались трактаты Л. Н. Толстого («Много ли человеку земли надо»), его «Детство», «Отрочество» и «Юность», «Борис Годунов» и «Капитанская дочка» Пушкина. Ученики семинарии переводили басни Крылова, стихи Кольцова, Никитина, Некрасова. Минамото Кэйдзо, в 1893 г. побывавший в России, первый привез на родину полное собрание сочинений Толстого и Достоевского. Постепенно при миссии создавалась богатая библиотека; к сожалению, во время Кантосского землетрясения 1923 г. она погибла.

Сколько учеников прошло через православные училища, точно сказать трудно. Японские исследователи (Наганава Мицуо) называют цифру порядка тысячи человек. Часть выпускников семинарии отправлялась продолжать образование в Россию — в Петербург и Киев, Москву и Казань. В Киевской Духовной Академии учился Мии Дорю (Симеон, 1858–1939) родом из г. Мориока. В Петербурге — Мацуи Тосиро (Александр) родом из Сэндай, позднее Сергей Сёодзи, безвременно скончавшийся от тифа в 1885 г., был усыновлен известным просветителем С. А. Рачинским (1833–

1902) — одним из энтузиастов церковно-приходского образования. Ивасава Хэйкити (Арсений) бывал в Смоленском имении Рачинского, о нем сохранилось письмо в архиве Л. Толстого (1884). Известны и другие имена: Пантелеймон Сато, Григорий Нагасака, Андрей Идзуми... Всего в годы Мэйдзи (1868–1912) в духовных академиях России училось около двух десятков человек.

Миссия не только отправляла, но и принимала учеников из России. Среди опекаемых ею японоведов были Д. М. Позднеев, Е. Г. Спальвин, В. М. Мендрин, из Сибири прикомандировались Федор Легасов и Андрей Романовский. О. Николай оказывал содействие К. И. Максимовичу, первому директору Петербургского ботанического сада, — помогал пересылать на родину собранные в Японии коллекции растений.

В 1880 г. состоялась вторая поездка архимандрита Николая на родину. Во время торжественной церемонии в Александро-Невской Лавре он был возведен в сан епископа Ревельского. Почти до конца года он оставался в России, совершил паломничество по святым местам, побывал в родной деревне. Искал сподвижников, готовых поехать с ним на Дальний Восток, но молодежь откликнулась слабо. «Боже, что же это? — в отчаянии вопрошал он. — Убила ли нас насмерть наша несчастная история? Или же наш характер на веки вечные такой неподвижный, вялый, апатичный, неспособный проникнуться духом Христовым?»⁷

В тот год произошла его встреча с Достоевским. Писатель читал его журнальные публикации и захотел познакомиться лично с подвижником, несущим свет Православия в далекий угол земли. Упоминания об их встрече в Москве содержатся в письмах Достоевского к жене, Анне Григорьевне⁸.

Немало сил потребовало строительство собора в Токио. Средства добывались с трудом. Казенные деньги были весьма ограничены, приходилось обращаться за пожертвованиями к частным лицам (сохранились некоторые имена дарителей: Ф. Н. Самойлов, Ю. С. Нечаев-Мальцев, графиня Орлова-Давыдова, О. Е. Путятин — дочь адмирала). «А сколько при постройке собора я исписал бумаги на совершенно безответные письма», — замечал о. Николай.

Строительные работы продолжались семь лет. Архитектурный проект принадлежал зодчему М. А. Шурупову, внутренним убранством занимался художник Попехонов. Белокаменное здание было воздвигнуто на холме Суругатай, где некогда возвышалась пожарная каланча; в прошлом веке оно доминировало над приземистыми постройками и просматривалось с любой точки столицы. Вместимость была рассчитана на полторы тысячи прихожан. Равного по

масштабам и великолепию православного храма не существовало на всем Дальнем Востоке.

К открытию собора (1891) приурочил свой визит в Японию наследник российского престола. Вместе с кузеном Георгием он сошел на берег в порту Кобэ, однако до Токио не добрался. В г. Оцу на цесаревича было совершено покушение, на него напал фанатик-полицейский Цуда Сандзо, который считал, что русские имеют агрессивные замыслы в отношении Японии. Цуда нанес цесаревичу удар мечом по голове, металлическая каска с вмятиной от сабельного удара поныне хранится в Эрмитаже.

Император Муцухито поспешил с извинениями в Киото, владыка Николай присутствовал на встрече двух августейших особ как миротворец и переводчик. Рана оказалась незначительной, но пострадавший отказался от поездки в Токио. Цесаревич проследовал во Владивосток, где принял символическое участие в строительстве Сибирской дороги — собственноручно отвез тачку с грунтом на железнодорожное полотно.

По случаю «инцидента в Оцу» В. А. Гиляровский написал шуточное стихотворение:

*Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется⁹.*

С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. православная миссия оказалась в крайне сложном положении. Шовинисты смотрели на нее как на «гнездо шпионов», подверглась разгрому церковь в Йогогаме. Владыка Николай, пренебрегая опасностью, принял решение остаться, его не отпускало чувство ответственности за вверившихся ему людей. Понадобился незаурядный такт, чтобы выработать приемлемую позицию — не нарушить долга патриотизма по отношению к России и в то же время не поставить под удар православных японцев.

Публичные богослужения были прекращены. Извещая об этом, о. Николай заявил: «Ныне же, раз война объявлена между Японией и моею родиной, я как русский подданный не могу молиться за победу Японии над моим собственным Отечеством»¹⁰. В те тяжкие дни он отыскал иные сферы приложения сил — занимался литературной и переводческой работой, «ушел в культурные скиты». Из соотечественников с ним оставались о. Сергей Глебов (бывший настоятель посольской церкви, автор «Грамматики русского языка») и дьякон Дм. Львовский. Со свойственной ему мудростью о. Ни-

колай тогда говорил: в своих учениках я вижу залог будущего примирения России и Японии.

С появлением на японской территории русских военнопленных (в плену оказалось около 73 тысяч солдат и матросов) все силы миссии обратились им на помощь. Составилось Общество утешения верующих из семнадцати священников и шестерых дьяконов, владевших русским языком. Они отправились в рассредоточенные по всей стране «приюты» пленных, снабжали религиозными и светскими книгами, составили русско-японский разговорник.

Письмо о. Николая в Россию с призывами к благотворительным пожертвованиям пронизано болью. «Серебряный крестик с прочным шелковым шнурком стоит здесь 15 копеек. У миссии решительно нет средств на такой расход, чтобы благословить всех военнопленных... Помогите, добрые соотечичи, сделать это!»¹¹.

Несмотря на крайнюю бедность, миссия делала максимум возможного, и пленные высоко ценили ее трогательную заботу. После войны за выдающиеся заслуги перед отечеством Священный Синод возвел владыку Николая в сан архиепископа с присвоением ему титула Японский (1906).

На островах Кюсю, Сикоку, Хонсю (в районах Кобе, Осака, Киото) остались русские могилы. Миссия собирала пожертвования и устанавливала памятники. В г. Мацуяма, где погребено 97 человек, а также в Осака на кладбище 89 порт-артурских солдат были воздвигнуты часовни.

* * *

Архиепископ Николай прожил подвижническую жизнь человека, нашедшего свое призвание. Священнослужитель, педагог и ученый, он вел за собой большой отряд деятелей Церкви, учеников и последователей. В конце его пути в Японии насчитывалось более 30 тысяч православных, т.е. людей, душой обращенных к России. Он создал незатухающий донныне очаг духовного просвещения. Его заботами воздвигнуто несколько храмов — достойных образцов русского зодчества, многие из которых продолжают действовать в наши дни.

Вышедший из самых низов духовенства, он был возведен в высокий сан архиепископа. Все, кто знал его близко, отмечали, что и в архиерейском звании он остался самоотверженным тружеником. Человек большого внутреннего благородства, лично для себя он ничего не желал, его аскетический быт описан многими очевидами.

Людей очаровывала даже его наружность. «Могучая, почти атлетическая фигура. Липо избличало волю, а глаза светились добротой»¹², — писал один из современников.

Скончался святитель Николай за работой от внезапной остановки сердца, его перо осталось лежать на раскрытой тетради. Хоронить главу миссии собралось много народу. При жизни он никогда не заискивал перед властью имущими, тем не менее на заупокойную службу прибыли и члены японского правительства, и послы всех христианских стран. Возложил цветы премьер-министр Сайондзи Киммоти, громадный венок был доставлен от императорского дома.

«Начав при смертных опасностях, закончил свою деятельность в Японии Владыка Николай при одобрении с высоты Трона», — написал его помощник о. Сергей (Тихомиров) в очерке «Памяти Высокопреосвященного Николая архиепископа Японского» (к годовщине кончины его 3 февраля 1912 г.)¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русский вестник. СПб., 1904. № 10.
- ² Шрейдер Д. И. Япония и японцы. СПб., 1895. С. 558.
- ³ Русский вестник. 1869. № 12. С. 271.
- ⁴ Русский вестник. 1869. № 11. С. 207–208.
- ⁵ Древняя и новая Россия. СПб., 1875. № 10. С. 228–229.
- ⁶ Церковный вестник. СПб., 1912. № 16. С. 664.
- ⁷ РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1137.
- ⁸ Достоевский Ф. М. Письма в 4 т. Т. 4 (1878–1881). М., 1959. С. 158, 165.
- ⁹ Гиляровский Вл. Сочинения в 4 т. Т. 4. М., 1967. С. 441.
- ¹⁰ Церковный вестник. СПб., 1912. № 19. С. 786.
- ¹¹ Платонова А. Апостол Японии архиепископ Николай. Пг., 1916. С. 66.
- ¹² Шрейдер Д. И. Япония и японцы. СПб., 1895. С. 121.
- ¹³ Христианское чтение. 1913, январь. С. 73.